

О. А. Балжиня

(научный руководитель – доктор филологических наук И. А. Спиридонова)

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Портрет человека в записных книжках А. П. Платонова второй половины 1930-х гг.

Аннотация: предметом изучения стал портрет человека в записных книжках Платонова второй половины 1930 гг. Писатель создает полифонию образов-портретов: дети, старики, интеллектуалы, крестьяне, др. Особое место в блокнотах 1934–1938 гг. занимает разработка системы персонажей романа «Счастливая Москва». Переменная конкретика социально-бытовой жизни героев проецируется на вечные вопросы бытия. Ключевые концепты портретных описаний – «душа», «другой», «народ», «мир», «жизнь». В центре внимания Платонова – проблема личности. Писатель сосредоточен на духовном и душевном этическом самоопределении человека.

Ключевые слова: записные книжки, портрет, человек, Счастливая Москва, Платонов.

Актуальность темы статьи обусловлена малоизученностью портрета человека в записных книжках А. Платонова второй половины 1930 гг. Жанр записных книжек в полной мере можно отнести к эго-текстам. С. И. Митина определяет эго-текст как «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское “я”, выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [Митина 2008: 76]. Заметки для себя характеризуются рефлексивной составляющей письма, исповедальностью. Особо следует отметить их диалогичность: записные книжки представляют собой «не текст, а “речь” (что-то вроде устной речи, записанной с помощью особого кода)» [Кожеко 2015: 26]. В современной научной литературе можно выделить следующие взаимодополняющие определения эго-текста: «1) “черновик сознания”, т.е. текст о самом себе, написанный с субъективной авторской точки зрения; 2) личностно наполненные тексты культуры, в которых мыслитель концентрирует внимание на собственном Эго» [Кожеко 2015: 24].

Андрей Платонов так характеризовал художественную и жанровую специфику записных книжек: «Блокноты, тетради, записные книжки – это, вероятно, лишь скромное название уже давно существующего, и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом “записной книжки”» [Платонов 2000: 278]. С. С. Аверинцев определяет жанр как «общность художественных произведений, складывающаяся в процессе исторического развития искусства, на основе их самоопределения по предметному смыслу в результате взаимодействия гносеологической и аксиологической функций художественной деятельности» [Аверинцев: URL].

По мнению писателя, записные книжки – это собрание «небольших произведений», которые обладают самостоятельным художественным значением, написанных в жанре «приемника жизни», то есть в форме прямой непосредственной коммуникации художника и действительности. Записные книжки – это текст, написанный для себя, но всегда имеющий в виду других. Так, например, 15-я записная книжка Платонова (за 1936 г.) озаглавлена как «Записная книжка чужих идей, мыслей и разговоров». В 13-й записной книжке он пишет: «И подумал я, – чтобы весь мир мой был (в голове ведь разное думается, неизвестно откуда). А потом я представил себе это – “мой мир” – и мне стыдно стало, совестно в душе». Книжкам-«жизнеприемникам» (по Платонову) свойственна, как пишет А. А. Зализняк, «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и

художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [Зализняк 2010: 168]. Это открытый диалог писателя с действительностью: познание жизни, творческая лаборатория и саморефлексия. О том, что Платонов не намеревался публиковать свои записные книжки, может свидетельствовать то, что он не избегал в них «нецензурных» выражений, а также пользовался сокращениями.

Книжки являлись для писателя сокровенным собеседником, которому он доверял размышления об искусстве, современной и мировой истории, собственной писательской судьбе, интеллигенции и революции, портретные зарисовки, афоризмы, стилевые и мировоззренческие максимы, случаи из жизни, анекдоты, цитаты, черновые варианты произведений, наблюдения на разные темы. Записные книжки хранят живой драматизм и пафос подлинности встречи-диалога писательского «я», русского слова и действительности. Записные книжки – это также важнейший авторский комментарий к произведениям. Как пишет В. О. Отрошенко, «...сами эти книжки, собранные в один том, читаются как роман, – предельно откровенный роман Платонова о Платонове» [Отрошенко: URL].

Рабочие записи Андрея Платонова второй половины 1930 гг. насчитывают 8 книжек: № 12–19 в академическом издании. Переход А. Платонова в середине 1930 гг. к новому периоду творчества отмечен в трудах Н. В. Корниенко, В. А. Свительского, И. А. Спиридоновой, Л. А. Шубина и других исследователей, которые прослеживают качественные изменения художественного мира Платонова в это время, но одновременно и продолжение, развитие тех эстетических и философских идей, которые волновали его в раннем творчестве. Постоянные темы творчества Платонова, такие как: смысл жизни («нельзя одному выдумать с<мысл> ж<изни>» [Платонов 2000: 211]), отношения человека к Богу («Бог есть умерший человек» [Платонов 2000: 211]), смерть («...надо быть живым даже для того, чтобы чувствовать смерть, горе - мертвые ничего не могут чувствовать. Для смерти нужны живые» [Платонов 2000: 192]), взаимоотношения человека и природы («Люди и животные одни существа: среди животных есть морально даже более высокие существа, чем люди» [Платонов 2000: 182]), получают в 1930 гг. дальнейшее развитие.

Платонов много ездил по стране как инженер и писатель. В 1934 г. писатель был включен в коллективную писательскую поездку по Средней Азии. Особенно много записей об Азии содержат 9-я и 10-я записные книжки (1933–1934 гг.). В Туркмении Платонов пишет заметки о местном быте, о советском, национальном и общечеловеческом, об онтологии человеческого существования. В туркменских записных книжках постоянно звучит женская тема:

«Оч<ень> важно

Женщина в Туркм<ении> лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел общественных битв» [Платонов 2000: 197].

А. Платонов делает выразительный набросок русского человека в Азии, используя артефакты, интерьер русского дома в Туркмении: «Русский дом в Азии: глинобит<ный> дувал, дом, деревян<ная> уборная, икона под дерев<янным> “зонтом”, два креста – две могилы, погреб-ледник: полное царство души и тела, замкнутый мир» [Платонов 2000: 194].

Эпоха 1930-х гг., когда в СССР оформлялась тоталитарная система, стала временем беспрецедентного вторжения в духовно-нравственную сферу отдельного человека и общества в целом. Это отражают записи Платонова о конфликте идеала и действительности социализма: «Время героизма и время жулья, ловкачества, вранья, стихийного самопохваленья, авантюризма и т. д. Все эти Трабские, Тришины, Козины etc...» [Платонов 2000: 202]. В записной книжке 1934 г. Платонов пишет: «Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин – отец и старший брат всех, Сталин – родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца»

[Платонов 2000: 129]. А в 1936 г. делает запись-антитезу: «Среди интриг, сплетен, сообщений etc... жить до того нельзя, что надо породниться, создать из страны семью».

В 1930-е гг. литература оказалась в прокрустовом ложе государственной идеологии, была запрещена большая часть произведений А. Платонова. В 1935–1936 гг. он делает следующие записи о своем эмоциональном состоянии: «Какой-то странный долголетний сон. – Стойка вроде книжной, вроде “до востребования”, я что-то и получаю и нет. Мне дают что-то и отказывают. Какие-то якобы мои рукописи, которые ценятся, но во мне они вызывают стыд. Двусмысленное отношение ко мне “стоечника”. – Бред, но страшный» [Платонов 2000: 187]; «Не приняли роман – и руки и тело покрыли нарывы. Сломать человека легче, чем думают» [Платонов 2000: 190]. Писатель неоднократно предпринимал попытки «вернуться» в русло «разрешенной» литературы. Одновременно он оставался верен правде жизни. Записные книжки этого периода свидетельствуют, что за каждой попыткой «переработать себя» и подать действительность «в требуемом виде» обнаруживается еще более сильное стремление оставаться самим собой. По мнению Л. А. Шубина, «писатель жертвовал произведениями, но пытался сохранить дорогие ему мысли» [Шубин 1968: 769].

Центральной проблемой творчества Платонова был и остается человек. В 16-й записной книжке он пишет: «Насколько человек неустойчивое, взволнованное существо – трепещущее, колеблемое, трудное, мучимое, и мучительное – главное – невозможное, неустойчивое» [Платонов 2000: 177]. Платонов напряженно ищет духовные опоры «самостояния человека» (А. С. Пушкин). Писатель интенсивно работает, имеет огромное количество новых литературных проектов, но практически не публикуется. Во второй половине 1930-х гг. опубликована только одна его книга – «Река Потудань». Записные книжки включают в себя замыслы художника, которым не было места в официальной литературе: это сказки, рассказы, романы, пьесы, др.

Формирование «нового советского человека» стало одной из центральных государственных проблем в 1920–1930 гг. Идеологическое ядро образа советского человека – верность делу социализма, коллективизм, постановка общественного выше личного. Однако герои произведений Платонова открывают невозможность жить в утопии, ищут смысл личного и общего существования. Платоновский образ не вписывается в схему тождества человека и идеи, определяющую концепцию «нового человека» в социалистическом реализме. В записной книжке 1937 г. он пишет: «Би<хе>виоризм – как фашизм. Уже марширует на учебн<ых> занятиях в Германии тот человек, который убьет меня» [Платонов 2000: 195]. Важнейшим концептом у Платонова является человеческая душа. Писатель рассуждает о душе в 1934–1938 гг., когда борьба государства с религией и церковью достигла апогея: «...ведь ясно, душа не стареет в человеке, только тело ветшает, а “она” все та же» [Платонов 2000: 183].

Записные книжки второй половины 1930 гг. сосредоточены на поиске гуманистической сущности жизни. Основные проблемы прозы Платонова 1930 гг. – отчуждение народа и человека от государства, неосуществленность социалистического идеала, поиск «душевного социализма». Особенно концентрированно эта проблематика заявлена в незавершенном романе «Счастливая Москва», время работы над которым исследователи датируют 1932–1936 гг. Записные книжки показывают, что интенсивная работа над романом продолжалась до 1938 г. В этом произведении Платонов изображает многогранную картину советского общества 1930-х гг., где взаимосвязаны темы нового социалистического человека и концепции советского общества. Писатель рисует в «Счастливой Москве» различные образы «новых людей», на которых советское государство возлагало большие надежды. Первые записи, посвященные героям романа, появляются в 8-й записной книжке Платонова (1931–1932 гг.), где Платонов на первый план ставит оппозицию «я – другой», а не тождество «мы»:

«Очень важно

Самое лучшее – перейти в другого человека, в нового человека – ударника, большевика, в противоположность “кантианцу”, “полубуржую”, “пошляку себялюбия” и пр. – в ночного мыша (вспомни – другое, совсем другое, чем ты).

Для романа моего» [Платонов 2000: 197].

«Счастливую Москву» можно рассматривать как роман воспитания, становления человека. А. Платонов в записных книжках прорабатывает разные версии сюжета и варианты характера героев. Согласно записным книжкам, было два варианта названия романа: «Узник» и «Счастливая Москва». Можно предположить, что первое название имеет главной проекцией образ Сарториуса, одновременно эта проблема имеет отношение ко всем героям как узникам идеологии и своего эго. В записных книжках, в отличие от романа, прописан эпизод из детства будущего инженера Сарториуса: «Когда он просил купить ему велосипед или еще что-нибудь, “дядя” ему говорил: вон у Сашки, Леньки, уже есть велосипед, думай, что это твой, и Sartorius думал, что чужой велосипед – его, и был доволен, ездил в воображении на нем, смазывал, знал номер машины, занимался велосипедом больше, чем тот, у кого машина действительно была» [Платонов 2000: 164].

А. Платонов прорабатывает разные варианты эволюции героя: 1) «Сарториус – исследователь, безвозвратный искатель фактов, никуда не возвращавшийся ни путем, ни желанием, проникавший жизнью сквозь всю толщу действительности и обраставший ею. Это новый мировой тип! Новое состояние жизни – необратимость души. Таких людей нет, но каждый такой» [Платонов 2000: 182]. 2) «Узник сначала лишь воображал, переживал неподвижно чужую жизнь, чтобы спастись от смерти заключения, а потом стал всерьез чужим к самому себе» [Платонов 2000: 184].

Платонов строит образную систему и композицию романа, исходя из разных потенций души человека:

«Композиция Москвы –

то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть свой греющий очажок, иначе он, человек, не прожил бы и минуты» [Платонов 2000: 204].

В записных книжках Платонов рассматривал несколько вариантов финала романа: 1) «Конец – или близ того “Узника”: он, узник, казнит самого себя, – самоубийство или – лучше – вроде, но не с<амоубийст>во с медленным страдальческим концом, себя казнит, как сволочь, стервеца, разоблачившего будто бы человечество, – уничтожение великой гниды земного шара» [Платонов 2000: 181];

2) «Оч<ень> важно

Д<ля> Сч<астливой> Москвы

Он, Sartorius, все же время от времени вспоминает себя прежнего, неизменного, давнего, и втайне хочет возвратиться в то, пусть бедное, но “естественное” состояние» [Платонов 2000: 209].

Сюжет произведения останется принципиально открытым, указывающим на «незавершенность» человека: «Люди и занимаются-то разными штуками – делами, чтобы не делать чего-то главного, чтобы отвлечься от него, отсрочить на будущ<ее>, как лучшее удовольствие, – и никогда не сделать его» [Платонов 2000: 213].

Записи 1934–1940 гг. показывают, что платоновские герои погружены в конкретику социально-бытовой жизни (даже рутины), но всегда проецируют ее на вечные вопросы бытия. Концепты «душа», «другой», «люди», «народ», «жизнь», «мир» становятся ключевыми. Во второй половине 1930 гг. писатель всматривается в разных людей и создает полифонию образов-портретов: молодежь, дети, старики, интеллектуалы, крестьяне и др. Кроме того, в платоновской концепции исключительно важна тема «человек и народ»: «Народ весь мой бедный и родной. Почему чем беднее, тем добрее. Ведь это же надо кончать – приводить наоборот. Как радость от доброго, если он бедный?» [Платонов 2000: 194].

Подводя итог анализа записных книжек Андрея Платонова второй половины 1930 гг., можно сказать, что они демонстрируют раскрытие творческой личности писателя и гуманистический пафос его произведений. А. Платонов сосредоточен на душевно-духовном этическом самоопределении человека: это важно для него как писателя, это важно для его героев. В поиске правды и смысла жизни ему важны мнения других людей (часто незнакомых). Записные книжки Платонова – олицетворение свободной и совестливой мысли художника, олицетворение его принципа: «Писать надо не талантом, а “человечностью” – прямым чувством жизни» [Платонов 2000: 165].

Литература

Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/g-2/Genre.html> (дата обращения: 24.03.2021)

Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение, №106. Москва, 2010. С. 166–184.

Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования, №2. Москва, 2015. С. 23–28.

Митина С. И. Философский эго-текст как резонанс личности мыслителя // Вестник Челябинского государственного университета, №4. Челябинск, 2008. С. 74–82.

Отрошенко В. О. Мой Платонов [Электронный ресурс]. URL: <https://litinstitut.ru/content/vladislav-otroshenko-moy-platonov> (дата обращения: 22.03.2021)

Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М. : Наследие, 2000.

Шубин Л. А. Платонов А. П. // Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А. А. Сурков. М. : Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. С. 769–771.

Balzhinyam O. A. Portrait of a person in the notebooks of A. P. Platonov of the second half of the 1930s.

Abstract: the subject of the study is the portrait of a person in Platonov's notebooks of the second half of the 1930s. The writer creates a polyphony of images-portraits: children, old people, intellectuals, peasants, etc. A special place in the notebooks of 1934–1938 is occupied by the creation of a system of characters in the novel «Happy Moscow». The variable specifics of the character's social and everyday life are projected onto the eternal questions of existence. The key concepts of portrait descriptions are «soul», «another», «people», «world», «life». Platonov focuses on the problem of personality. The writer concentrates on the spiritual and mental ethical self-determination of a person.

Keywords: notebooks, portrait, person, Happy Moscow, Platonov.

А. Е. Аксенова

(научный руководитель – доктор филологических наук Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

«История моего заключения» Н. Заболоцкого: факт как фантасмагория

Аннотация: исследуется автобиографический текст как свидетельство об аресте и заключении Николая Заболоцкого, который по мере разворачивания повествования приобретает абсурдно-фантасмагорический характер. Автор, первоначально внешне объективно фиксируя факты, переходит к открытой оценке их как несовместимых с нормами человеческого существования, оборачивая фактографию в фантасмагорию.

Ключевые слова: Заболоцкий, факт, фантасмагория, заключение, абсурд, арест.